

ЭДГАР УОЛЛЕС

Серия «Пестрая лента»

А. Владимирович

Пестрая лента

А. Владимирович

Эдгар Уоллес

«Издательские решения»

Владимирович А.

Эдгар Уоллес / А. Владимирович — «Издательские решения»,
— (Пестрая лента)

ISBN 978-5-44-934059-7

Что мы сегодня знаем об Эдгаре Уоллесе? Король триллера. Весьма плодовитый автор. Один из создателей невероятного «Кинг-Конга». Но если мы беремся читать его романы, сегодня они нам кажутся пресными и ужасно похожими на кого-то, чьи книги были прочитаны раньше. Как получилось, что современники скупали миллионные тиражи его романов и зачитывались ими?

ISBN 978-5-44-934059-7

© Владимирович А.
© Издательские решения

Содержание

Серия «Пестрая лента»	6
Серия «Загадки Агаты Кристи»	7
Что мы сегодня знаем об Эдгаре Уоллесе?	8
Предисловие	9
Детство	10
В поисках работы	16
Томми Аткинс	21
Военный корреспондент	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эдгар Уоллес
Серия «Пестрая лента»

А. Владимирович

© А. Владимирович, 2018

ISBN 978-5-4493-4059-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Пестрая лента»

Вышли:

Ричард Халл;

Стэнли Эллин;

Метта Виктория Фуллер Виктор;

Джеймс Крамли;

Дэвид Гудис;

Эдгар Уоллес

Серия «Загадки Агаты Кристи»

Вышли:

Восточный экспресс

Тайна в крови

Готовятся:

Убийство по буквам

.

Секретарь, биограф и друг Эдгара Уоллеса, Роберт Кертис начинает свой рассказ о жизни писателя с утверждения: «Эдгар Уоллес, за всю свою жизнь не написал только один роман, захватывающую историю о том как он жил».

Что мы сегодня знаем об Эдгаре Уоллесе?

Король триллера. Весьма плодовитый автор. Один из создателей невероятного «Кинг-Конга».

Но если мы беремся читать его романы, сегодня они нам кажутся пресными и ужасно похожими на кого-то, чьи книги были прочитаны раньше. Как получилось, что современники скупали миллионные тиражи его романов и зачитывались ими, как мы зачитываемся детективами Агаты Кристи?

Я долго гадал над этими вопросами. Возможно, так и не нашел бы ответа, если бы не случай.

Один мой хороший знакомый привез из-за границы кучу букинистической литературы, а поскольку он не любит читать в одиночку, сразу по возвращении бросился хвастаться удачными покупками.

Я обратил внимание, что среди многочисленных интересных и весьма редких изданий имелась подборка книг об Эдгаре Уоллесе. Хочу пояснить, что автобиография Уоллеса и все биографии этого писателя были опубликованы в 20-е и 30-е годы прошедшего века, а потому стали настоящей библиографической редкостью. Первым же делом я выпросил эту подборку для чтения. Через пару дней захватывающего чтения стало понятно, что мне выпал редкий шанс, и я взялся за составление плана, заметок и набросков. Поскольку на руках были готовые биографии, не оставалось ничего другого, как пересказывать наиболее понравившиеся эпизоды из невероятной жизни удивительного человека.

Работа над рукописью была завершена уже через полтора месяца и, вероятно, разделила бы участь других черновиков, если бы не случайное знакомство с Алексеем Андреевичем Астапенковым. Именно его пристальное прочтение, дополненное литературными правками Татьяны Валерьевны Видяковой, буквально преобразили начальный вариант рукописи. Так появилась книга.

Не могу пройти мимо еще одного помощника – Марии Волковой. Именно ее иллюстрация украшает обложку и позволяет настроиться на истории о жизни этой противоречивой личности.

И да – без молчаливой помощи жены эта серия была бы невозможна.

Предисловие

В нескольких метрах от того места где Фаррингдон стрит и Нью-Бридж стрит пересекаются с Флит стрит и Ладгейт Хилл, которая затем поднимается до собора Святого Павла, на перекрестке, который обычно именуют Ладгейтским, находится мемориальная бронзовая доска. Типичная для Лондона голубая доска с кругом, внутри которого запечатлено имя самого популярного писателя первой трети XX века – Эдгара Уоллеса.

Сегодня мало кто задается вопросом, каким образом это оживленное место связано с жизнью или литературной карьерой «короля триллера». Ведь обычно места для памятников или мемориальных досок выбирают не случайно. Следует думать, что и в этот раз ошибки не произошло. И правда, именно здесь начинался путь нашего героя в беллетристику. На этом самом перекрестке он, еще будучи мальчишкой, продавал газеты, а заодно, за небольшую плату, выполнял различные поручения местных лавочников.

Сегодня мы знаем Эдгара Уоллеса как сочинителя огромного количества романов. Если быть точными, «из-под его пера» вышли 173 романа, 24 пьесы, 61 набросок и более 200 рассказов, не считая огромного количества журнальных и газетных статей, а также сценариев. Можно сказать, что в период между двумя мировыми войнами Уоллес был самым известным автором в мире. По плодовитости с ним могут поспорить только Джон Кризи и Жорж Сименон, а по популярности – Агата Кристи. Один из издателей произведений Эдгара Уоллеса в 1928 году утверждал, что им написана каждая четвертая книга из всех продаваемых в Англии. Согласно условным подсчетам суммарное количество всех проданных книг Уоллеса перевалило за 50 миллионов экземпляров.

Скорость, с которой он создавал все новые и новые творения, сегодня кажется невероятной. Исследователи утверждают, что в день им выдавалось порядка 10 тысяч слов; если этот объем перевести на страницы, то получится, что его суточная норма составляла от 40 до 50 книжных страниц. По свидетельству одних друзей Эдгар мог написать роман объемом в 36 тысяч слов за 15 часов. Другие же рассказывают, что за уик-энд он сочинил роман объемом в 80 тысяч слов, а как-то в рождественские праздники, за четыре выходных дня, написал серию из 120 тысяч слов (около 600 страниц).

О феноменальной скорости Уоллеса слагали множество легенд. Например, когда один американский журналист с большим трудом дозвонился до писателя в Англию, ему сообщили, что Эдгар вышел в соседнюю комнату и сочиняет рассказ, а потому просил некоторое время не беспокоить, на что журналист спокойно ответил: «Не кладите трубку, я подожду, когда он закончит».

Естественно, еще при жизни Уоллеса упорно ходили слухи, что на него работает целый штат «литературных рабов». В ответ беллетрист через газеты предложил вознаграждение любому, кто докажет, что та или иная фраза написана другим человеком. Желающих не нашлось.

Сюжеты Уоллеса были стереотипными, а герои мало походили на реальных людей. Зато он обладал невероятным даром рассказчика – взявшись за очередную «стереотипную книгу» английского писателя, оторваться невозможно. Еще одна отличительная особенность всех произведений Уоллеса – умение лаконично и скупно передать детали, словно бы автор сам побывал в этой передрыге или в этом экзотическом месте. Да ему и не надо было ничего придумывать – жизнь Уоллеса была не просто богата на события, она сама по себе была настоящим приключением.

Детство

Эдгар Уоллес родился 1 апреля 1875 года в Гринвиче, маленьком пригороде Лондона, годом ранее связанным со столицей железнодорожной веткой. До случившегося события жители района добирались в Лондон на пароме, который тащила по Темзе пара старых кляч. Помимо этого в отдалённом пригороде британской столицы не было ничего примечательного. Гринвич славился своими пляжами и пристанями, но главным образом – пивными и публичными домами. Здесь постоянно находилось множество моряков, а потому окна увеселительных заведений неизменно украшали изображениями маленьких корабликов. Единственным исключением в этой веренице однотипных развлекательных мест был театр, в котором работала мать Эдгара – Мэри Ричардс или просто Полли, как ее называли друзья. Она происходила из очень бедной семьи, поскольку никаких сведений о родителях, кроме девичьей фамилии Блэр, не сохранилось. Возможно, они также работали в театре, потому и Мэри Джейн Блэр так упорно держалась за это занятие, хотя не обладала ни красотой, ни особым талантом.

Из документов известно, что Мэри Джейн вышла замуж за капитана Ричардса, который во время первого же плавания после свадьбы скончался от «неустановленной болезни». По морскому обычаю капитана похоронили в море, а Мэри осталась без средств к существованию, только с длинной фамилией и ребенком под сердцем.

После рождения дочери она вернулась к своей привычной работе – актёрству в провинциальных театрах. Вероятно, эти две женщины так бы и сгинули в неизвестности, если бы не Алиса Мэрриотт. Эта актриса королевского театра, благодаря своему необыкновенному голосу и феноменальной памяти, в которой хранился огромный репертуар из множества самых различных пьес, почти сорок лет с успехом выступала на сцене. Она была известна своим драматическим талантом, способным довести зрителей до эмоционального накала. На ее спектаклях всегда бывала публика, а потому Мэрриотт кормила не только мужа, но и сына и двух дочерей. Особый ореол ей придавало исполнение мужских ролей, а более прочих актриса любила образ Гамлета. Многие театральные критики отмечали ее исполнение роли Гамлета как выдающееся – благодаря поставленному голосу и прекрасному умению добиваться драматического эффекта. За долгие годы работы в театре у Алисы Мэрриотт скопилась солидная сумма, позволявшая ей скупать небольшие лавки и магазины с одной только целью – перепродать со временем подороже.

С приближением старости актриса начала задумываться о собственном театре. Когда она приобрела скромный дом, подходящий для театральных постановок, члены ее немногочисленной семьи стали основными работниками этого частного театра, хорошо прочувствовавшими тяжесть театрального труда и строгую дисциплину. Но, по сути, большая часть работы лежала на самой Алисе Мэрриотт.

Сегодня остается только восхищаться самоотверженной решимостью, с которой актриса выступала неделю в одном театре, а затем мчалась в другой. Иногда переезды длились по 12—14 часов в неотапливаемых уютных железнодорожных вагонах XIX века. Неутомимая Мэрриотт работала по пятьдесят недель в году, и мы не встречаем никаких упоминаний о ее болезнях или отмене спектаклей. Изнурительные выступления, бесконечные переезды и дискомфорт театральных подсобок не ожесточили сердце актрисы, она без усталости выплескивала свою творческую энергию в зрительный зал и обычно получала благодарный отклик – восторги публики и хорошие сборы от театральных владельцев. Над нею не была властна не только усталость, но и гордыня. Она всегда с большим сочувствием относилась к менее известным и менее талантливым коллегам.

Поэтому когда знаменитая артистка случайно столкнулась с Полли и Джой Ричардс в одном из театров, то со свойственной ей импульсивностью и великодушием сразу же взяла обеих под свою опеку.

Щедрая и добродушная актриса не была филантропом, ее труд на сцене с годами не стал более легким. Но, зачарованная увлекательными историями о жизни бедных крошек, она проявила настоящее великодушие. Алиса Мэрриотт предложила Полли заниматься костюмами в созданном ею театре и изредка помогать в спектаклях на вторых ролях.

Умение интересно и с юмором рассказывать о своей тяжелой жизни было настоящим феноменом Полли Ричардс, который мало вязался с ее непримечательной внешностью. Кажется, о самых сложных моментах своей жизни она повествует просто захватывающе. Дочери Алисы Мэрриотт были в не меньшей степени покорены удивительным талантом молодой женщины, и вскоре стали её подругами.

Впрочем, пожилая актриса была весьма строга не только к себе, но и к окружающим. Как уже было сказано, она не планировала оказывать безвозмездную помощь Полли – возможно, именно поэтому Алиса Мэрриотт убедила отдать шестилетнюю Джозефину Ричардс в детский дом. Полли, как будет видно из ее дальнейших поступков, весьма дорожила своим местом в театре, а потому послушно рассталась с дочерью. Здесь пришел черед Джой доказать на деле, что она не хочет разлучаться с матерью. Девочка проявила невиданное для малых лет упорство: она отказалась принимать пищу и подчиняться любым просьбам воспитателей. За шесть месяцев ребенок так похудел, что руководство стало всерьез опасаться за его жизнь. Спустя полгода Джозефине позволили вернуться в театр.

Очувтившись рядом с матерью, Джой преобразилась: оказалось, что она умеет быть послушной и очень внимательной к любым просьбам – девочка стремительно выполняла какие угодно пожелания. В поведении Жозефины читалась только одна немая просьба – не разлучать ее с родительницей. Эта связь матери и дочери была неразрывной всю жизнь, до самой смерти Джой, которая скончалась в возрасте двадцати пяти лет.

Мисс Мэрриотт милостиво пошла и на эту уступку, даже великодушно позволяла Джой исполнять все детские роли в пьесах и выполнять почти всю черную работу, с которой едва справлялась ее мать. Но с Полли мисс Мэрриотт взяла слово, что «больше не будет никаких детей».

Казалось, все остались довольны, включая саму мисс Мэрриотт – оттого, что черная работа по дому и в театре выполняется с максимальной скоростью и с невероятным усердием. Она обожала своих детей и не желала нагружать их будничными обязанностями. Но больше всех актриса любила своего единственного сына.

Молодой человек унаследовал ум и талант от матери, а красивые черты лица – от отца. Особенно родителей радовал твердый и решительный характер Ричарда Мэрриотта. Единственное беспокойство доставляло отсутствие серьезного увлечения представительницами противоположного пола. Ричард обычно был душой компании. Он с легкостью умел поддерживать беседу, в меру веселил собеседников, но при этом у него никогда не было ни подруг, ни даже желания оказывать особые знаки внимания дамам. Казалось, ему достаточно скромного успеха в семейном театре и в дружеском кругу. Чем старше становился Ричард, тем больше мать тревожилась о его будущей семейной жизни.

Полли никогда не находилась на положении безмолвной прислуги. Мисс Мэрриотт делилась с ней не только радостями. Очевидно, беспокойство относительно сына она с актерской импульсивностью и эмоциональностью доверила служанке, которая к тому времени стала частью семьи.

В итоге, не дождавшись решительных действий со стороны молодого человека, мисс Мэрриотт взяла устройство женитьбы сына в свои руки. Однажды она попросила Полли познакомиться с некой Дженни Тэйлор – невысокой привлекательной девушкой с большими гла-

зами и нежным лицом, с копной красивых волос, которые она заплетала в тяжелую корону на затылке – и пригласить на семейный ужин. Вероятно, Мисс Мэрриотт хотела скрыть от сына свой выбор, желая, чтобы он самостоятельно принял решение.

Ричарду будущая невеста при первой встрече не понравилась, а Полли оказалась в двусмысленном положении. Она пыталась угодить и мисс Мэрриотт и Ричарду одновременно, но лишь запутывалась в собственных неловких интригах. Трудно представить, какое безрассудство побудило Полли закрутить роман с Ричардом, пусть и красивым молодым человеком. Они оба сразу же поняли, что у них нет и не будет ничего общего. Может быть, она хотела просто проверить, не является ли Ричард геем или импотентом?

Летом 1874 года, когда мисс Мэрриотт благословила брак Ричарда и Дженни, Полли оказалась во власти любовной страсти. А к началу осени она объявила хозяйке, что на этот сезон получила несколько ролей в другом театре, куда и отправляется. Это было правдой лишь отчасти.

Полли отлично помнила, как всего три года назад обещала своей покровительнице – «больше никаких детей». Разве могла она теперь разрушить счастье Ричарда и Дженни, а возможно, оказаться на улице вместе с дочерью? Очевидно, женщина до того боялась остаться без работы, без покровительства миссис Мэрриотт, что решилась на отчаянный шаг. А потому Джой так никогда и не узнала о том, что у нее есть брат; она лишь замечала, что мать проявляет особое чувство к одному из мальчишек, посещавших театр, и даже по просьбе матери давала ему несколько копеек – ровно столько, чтобы хватило на билет. Когда по прошествии многих лет Полли Ричардс появилась в доме у уже взрослого сына, тот с горечью выставил ее за дверь. Он так и не смог простить ей того, что считал бессердечным и безответственным поступком.

Но в тот момент она попыталась устроить жизнь обоим своим детям с максимально позвольительным в условиях её бедности комфортом. Полли не могла предвидеть, что дочь, которой она посвятила жизнь, умрет молодой, а сын станет мировой известностью; при этом сама Мэри Джейн будет доживать свои дни в одиночестве и скончается в Брэдфордской больнице.

Всю осень и весь декабрь месяц вплоть до самого Рождества она выступала в Гринвичском театре. Полли старалась взять максимум ролей, стараясь накопить денег на будущее. И лишь после веселых праздников, когда беременность стала для всех явной, Полли засела в дешевой квартире на Эшбернхем Гроув, где, очевидно за гроши, помогала другим жильцам по хозяйству.

Между тем мисс Мэрриотт и ее родные были сильно удивлены, когда в ответ на приглашение на свадьбу Ричарда и Дженни Полли прислала записку, которая, вероятно, всех насмешила, но ничего толком не объяснила. Обеспокоенная мисс Мэрриотт в следующем письме уже настойчиво приглашает, нет, пожалуй, требует, принять участие в турне их семейного театра по английской провинции. Отправление было назначено на 10 апреля 1875 года.

У Полли было время спокойно обдумать и распланировать свои шаги, а потому, когда все случилось, она действовала, как метеор.

Через неделю после родов Полли весьма продуманно постаралась обеспечить малыша всем необходимым для дальнейшей жизни без родной матери. Она крестила малютку в католической церкви, скрыв имя отца, но при этом весьма изобретательно сообщила ему данные о родителе. В церковном реестре отцом Эдгара значится «Уолтер Уоллес, комик». Однако многочисленные попытки обнаружить этого человека в театре или цирке не увенчались успехом. Зато в имени сына можно увидеть вложенное Полли имя его отца – Ричарда Горацио Эдгара: так появился Ричард Горацио Эдгар Уоллес. Акушерка, принимавшая роды, оказалась очень практичным человеком, она знала о проблемах Полли и предложила решение: найти малышу достойных приемных родителей. Полли, исходя из своего положения, сочла этот вариант наиболее правильным.

Акушерка договорилась с Милли Фримен, женой торговца рыбой, уже имевшей десятирх своих чад, которая была не прочь выкормить и одиннадцатого. Совсем недавно одного из отпрысков Фрименов, когда он невнимательно переходил улицу с корзиной рыбы на голове, сбила карета, запряженная лошадьми. Мальчик попал в больницу с поломанными ребрами и отбитыми внутренними органами; доктора были уверены, что он не выживет. Джордж Фримен и его жена очень любили детей, а потому сочли происшествие знаком, что им необходим еще один ребенок, тем более что младшему было уже 6 лет.

Полли отправилась в небольшой, но уютный домик в Норвиче по адресу Эшбернхем Гроув, дом 7, где и обитало большое и шумное семейство Фрименов. Миссис Фримен всегда содержала дом в чистоте, а теперь, когда подросли старшие дочери, с их помощью без особых проблем поддерживала порядок. Несчастную мать окончательно убедили опрятные кружевные занавески и герань на окнах. Фримены польстились на обещание оплачивать содержание мальчика – несколько шиллингов в неделю.

На следующий день она положила своего малютку в корзинку, которую предварительно застелила белым платком, и отдала ее Милли Фримен, одной из младших дочерей торговца рыбой. А сама принялась укладывать скромные пожитки, чтобы успеть вовремя присоединиться к мисс Мэрриотт и компании.

Занавески на окнах были лишь респектабельным фасадом, за которым скрывался мир нищеты и монотонной работы, хотя и не лишенный определенных радостей. Прежде всего, мальчик с чудным для простолюдинов именем Ричард Горацио Эдгар Уоллес превратился в Дика.

Спустя два года, когда Полли снова появилась на пороге Эшбернхем Гроув, она созналась, что не может выплачивать требуемую сумму. Джордж Фримен пригрозил ей отдать мальчика в приют. Родная мать испытывала неимоверный страх перед казенными заведениями, поскольку отлично помнила, в каком состоянии забрала дочь из детского дома, так что была согласна на любые условия, кроме приюта. Неожиданно Джордж повернул разговор: он предложил усыновить мальчика, и вконец запуганная Полли согласилась подписать любые бумаги. А вечером приемный отец перед всем семейством заявил, что они взяли на себя обязательство перед малышом и перед небом, и никакие трудности не смогут помешать им в исполнении своей клятвы. С той поры, Эдгар стал не просто Диком, но одним из Фрименов.

К моменту появления Эдгара в семье Фрименов младшему из них было уже шесть лет, а потому большая часть забот по уходу за ребёнком легла на плечи старших дочерей. Первым другом в жизни будущего писателя стала старшая дочь Фрименов – Клара, а может быть, Эдгар подсознательно искал в ней материнское тепло. Их разделяли 18 лет разницы, а объединяли черты характера – упрямство в достижении цели и стремление к независимости. В семье Клару запомнили как девочку, которая по достижении двенадцати лет не пожелала отдать свою тряпичную куклу младшим сестрам. К тому времени она уже работала и получала два шиллинга в неделю, а потому ей полагалось место в родительском сундуке с вещами, где она спрятала свое единственное сокровище на самом дне, среди рабочих фартуков.

Когда в семье появился младший брат, она была уже взрослой девушкой. Мать уверила, что только практика научит ее ухаживать за малышом – купать, подмывать, следить за его первыми попытками передвигаться – и вручила ей Дика. Именно Клара повела Дика в школу Святого Петра на Темз стрит. К тому времени она проводила много времени вне дома, на работе. Ну а если бывала свободна, обожала бродить вместе с младшим братом по зеленым окрестным холмам, тайком следить за работой медиков в Гринвичской больнице или наблюдать за судами, плывущими по реке. Клара стала защитницей Дика. Писатель вспоминал случай, когда школьники кричали ему вслед: «Подкидыш!». Именно старшая сестра разогнала хулиганов и успокаивала братца, уверяя, что он самый настоящий Фримен.

Старшие дети Фрименов были уже на пороге зрелости. Все в Норвиче, районе, где теперь поселился Эдгар Уоллес, знали старших сыновей торговца рыбой как главных задира и драчунов. Они не только затевали драки, но и нередко напивались, подражая отцу. Случалось, задевали полицейских, а потому аресты не были редкостью в семье Фрименов. Взрослея, Дик все больше осознавал, что отличался от собственных детей Фрименов. Увлечения, независимость, а особенно хитрость и ловкость выделяли его на фоне увальней-братьев, которые были в отца не только телосложением, но и умственными способностями. Зато приемный сын радовал родителей своей тягой к знаниям. С ранних лет он пытался освоить чтение. Единственной книгой в семье торговцев была Библия, по строкам в которой малыш страстно водил своим указательным пальцем.

Эдгар обожал путешествия и приключения. Все начиналось с того, что он ездил вместе с отцом на рынок и наблюдал, как грузчики таскали тяжелые корзины с рыбой.

Несколько десятилетий спустя, отвечая на вопрос, что он помнит о своем детстве, писатель рассказывал, что ясно помнит носильщиков и рыбную лавку, столовую, в которой отец угощал его хлебом и кофе.

«„Нижний Лав Лейн“ (Down Love Lane¹) – украшенный фигурками рыб, тускло освещенный магазин-кафе за Чипсайдом. Здесь мужчина и мальчик могли поужинать за три пенса – прекрасный кофе в толстых конусообразных кружках и свежий хлеб с маслом. Вклинившись между белыми носильщиками, я сидел, мои челюсти работали, а уши горели от потока брани, который является гордостью Биллингсгейта. Но я словно ничего не слышал, потому что был еще ребенком, а отцовские рабочие становились джентльменами».

Когда Дик ушла пора идти в школу, Фримены перебрались из Норвича в Кэмбервелл, один из жилых районов на юге Лондона. К этому времени две старших дочери Джорджа Фримена вышли замуж: Клара – за молочника Гарри из Дептфорда, другая сестра – за продавца цветов, а старшего из братьев забрали на службу в армию.

В семье все шло привычным чередом: размеренное существование уважаемых торговцев не отличалась разнообразием, зато в школе бурлила настоящая жизнь. Реддингская дорожная школа была шумным и грязным местом. По признанию писателя: «одно сплошное разочарование». В течение нескольких лет учителя вдавливали в детей простейшие основы арифметики, немного несвязных фактов из истории и, конечно же, географию, в основе которой лежало изучение колоний Британской империи.

Преподавание было монотонное, наказания – чрезвычайно жестокие. Нерасторопные в учебе быстро вылетали. Здесь Эдгар также обошел всех Фрименов, он выдержал обучение до двенадцати лет, хотя остальные дети вылетели из школы в десять.

Хитрость и воображение помогли ему стать своим в школьном отряде мальчишек, для которых кумирами были легендарные грабители. Трудно представить, что ребята могли воровать в бедных районах, но зато они всегда с особой гордостью рассказывали о своих «преступлениях». Дик в последнем, действительно, не было равных.

В эти годы у мальчика стала проявляться тяга к театру. Единственным препятствием было отсутствие денег. Дик, правда, несколько раз посетил театр с Кларой, пару раз в год ему дарил билеты толстая леди в мантии и шляпке, но мальчику хотелось больше, гораздо больше. Он начал ощущать потребность в личных доходах.

Излюбленным местом отдыха Джорджа Фримена был чайно-кофейный магазин, которым заправляла миссис Энсти и где можно было выпить бренди. Этот магазинчик стал первым рабочим местом Дика. Хозяйка была энергичной женщиной с живым воображением. Она приметилла шустрого мальчугана и просила его помочь, особенно в конце рабочего дня. Взамен Миссис Энсти всегда угощала кофе и с увлечением беседовала с ним. А когда рядом с ее лав-

¹ В названии заведения использована табуированная лексика, имеющая буквальное значение «женский лобок».

кой открылась бесплатная библиотека, именно она натолкнула Дика на мысль почитать вслух художественный роман. И потому-то в магазинчик, а не домой, мальчик носил толстые книги. До этого момента он читал только Библию и азбуку. Когда в лавке не было посетителей, миссис Энсти с удовольствием слушала чтение юного Дика. Смышленный и любознательный читатель обожал приключенческую литературу. Позднее в его романах замелькают отсылки к детской приключенческой литературе, очевидно, ставшей главной вдохновительницей и учительницей будущего автора бестселлеров.

Магазин привлекал Дика не только возможностью заработать или почитать. Муж миссис Энсти подрабатывал в театре, а Дик использовал любой предлог, чтобы попасть на очередную постановку. Он с упоением просмотрел большинство спектаклей, притаившись за декорациями.

Любовь к театру была у Эдгара в крови. А потому случайные появления в этом храме искусства лишь усиливали его тягу. Он должен был найти работу.

В итоге Дик нашел то, что искал. Он устроился разносчиком газет: сперва бегал по вагонам поезда, спешащего в Лондон, а затем присмотрел бойкое место на Ладгейтском перекрестке. Именно тут он заработал свои первые шиллинги, пронзительным голосом выкрикивая новости и размахивая газетой.

Здесь началась его литературная карьера. А сегодня в нескольких десятках метров от этого места мы видим бронзовую доску с его именем.

В поисках работы

Респектабельные Фримены были шокированы, узнав, что Дик, подобно другим «мальчишкам в лохмотьях», торгует газетами на улицах Лондона. Они вернули его в школу, и доходы мальчика снизились до нескольких пенсов в день. Это может показаться удивительным, но усыновители любили приемного сына не меньше родных детей, а может быть, и больше. Они осознавали желание ребёнка найти оплачиваемое занятие, а потому решили сделать переход от школы к работе максимально приятным. Фримены попытались, насколько могли, организовать для Дика увлекательные каникулы.

Родители договорились с племянником, который жил в Гринвиче, что отпустят младшего сына на три недели погостить. Миссис Фримен собрала в корзинку самую нарядную одежду и прикрепила записку с адресом.

Для мальчика, чья жизнь проходила в границах Норвича и Камбервелла, эти каникулы показались настоящей сказкой. И даже сосед мистера Фрисби, приходивший домой черным от угольной пыли, въевшейся в кожу, казался мифическим персонажем. А Мистер Фрисби со своими семью дочерьми и вовсе виделся настоящим волшебником со свитой фей, весело суетившихся вокруг мальчугана с широко открытыми глазами.

Фрисби не только баловал родственника, он выполнял и другое поручение Фрименов – искал для двенадцатилетнего мальчика перспективную работу. Спустя три недели оба поручения были выполнены. Дика отправили в новую типографию «Ньюингтон Козвэй», где он мог бы получать свою первую зарплату – пять шиллингов в неделю. За громким названием «типография» скрывалась небольшая комната с печатными станками, которые на одной из сторон бумажных пакетов воспроизводили логотипы и адреса всевозможных торговцев. Пакеты с рекламой являлись новым словом в маркетинге, и типография ломилась от заказов. Основной задачей юного Фримена было опускать печатный пресс и складывать отпечатанные пакеты в коробки.

В действительности работа оказалась еще более монотонной и утомительной, чем учеба. Впрочем, Эдгар терпел эту «пустую трату времени»: ведь теперь она оплачивалась. Как оказалось, у нового предприятия постоянно не хватало денег в обороте, заказов набиралось столько, что владельцы предпочитали покупать новые станки, а не выплачивать вознаграждения за труд старым работникам. И когда Дик получал, наконец, заработную плату, деньги большей частью уходили на проезд, поэтому в чистом остатке у начинающего работника оставалась после рабочей недели лишь пара шиллингов. Со временем в душе накопилось возмущение на хозяев, и он решил со скандалом уволиться. В ответ на его поступок работодатель заявил, что зарплата за последнюю неделю пойдет в счет «неустойки». Раздраженный потерей денег, на которые рассчитывал, двенадцатилетний мальчуган направился прямо к воплощению справедливости – английскому полисмену, а тот отправил его в суд.

В суде все было ему знакомо: Дик не раз посещал судебные заседания, посвященные хулиганским проделкам братьев. Поэтому он спокойно объяснил судье суть претензии, а спустя пару дней, к немалому своему удивлению, выиграл дело против первых работодателей.

Впрочем, с работой ему не везло. Рабочие руки требовались всегда, но хозяева редко держали у себя наемных работников дольше месяца. словно дрейфующая льдина, Дик-Эдгар ненадолго причаливал к тому или иному предприятию на юге Лондона, а спустя некоторое время отправлялся дрейфовать дальше в поисках очередного рабочего места.

На выходные мальчик неизменно возвращался в родной пригород. Он по-прежнему бывал в кофейне миссис Энсти или ездил на молочную ферму к мужу Клары.

Основным развлечением семейства Фрименов в свободное от работы время было посещение спортивных мероприятий: все дети Джорджа Фримена являлись активными болельщи-

ками футбольных или крикетных команд. Но спортивные мероприятия становились скорее исключением: большую часть своего свободного времени Джордж Фримен и его сыновья проводили в пивных. Там они спускали на выпивку все заработанные деньги. Эти наглядные примеры, вкуче с неустанными наставлениями миссис Фримен, настолько подействовали на Дика, что он вместе со своим другом, сыном священника, решил основать «общество умеренности». Дик звал друга Рэмси. Воздержание от алкоголя для будущего священника казалось естественным, но на младшего Фримена из-за этой затеи в семье смотрели косо. Надо сказать, что зарок никогда не пить лишнего (имеется в виду алкоголь) стал для Эдгара Уоллеса одним из строжайших запретов, которого он придерживался всю свою жизнь.

Зато вместе со своим другом будущий писатель осваивал освещенные неяркими газовыми фонарями туманные улицы. Молодых людей влекли приключения, а потому, когда они отыскивали пустующий дом на берегу Темзы, он стал их штаб-квартирой и любимым местом для игр. Приятели постоянно разыгрывали ужасные сцены, превращаясь в грабителей или убийц вроде Джека Потрошителя. Однажды подростки наткнулись на труп мужчины – так неожиданно приключения открылись для них с другой, не самой приятной стороны.

Дик и Рэмси обожали гулять по причалу и дальше по берегу, где без конца сновали многочисленные корабли, рыбацкие лодки и небольшие суденышки. Однажды во время такой прогулки они спасли пожилую женщину, которая, будучи пьяной, свалилась в воду.

Фримен-младший часто делал короткие заметки о случившихся происшествиях в своей записной книжке. Однажды он сказал другу: «Если у меня когда-нибудь появится шанс, я опубликую это». Дик обожал мечты о том, что его книга появится на книжной полке в лавке канцелярских товаров или в библиотеке, рядом с магазинчиком миссис Энсти. Как рождались эти мечты? Всю оставшуюся жизнь его друг Рэмси проработал в типографии, он не стал священником, как того ожидали, а медленно поднимался по карьерной лестнице. Зато Эдгар Уоллес вскоре попал в мир литературы, но совсем в другом качестве.

Как-то в поисках развлечений Дик вместе с другом забрел в больницу Святого Иоанна. Там работала бригада скорой помощи, и молодые люди настолько увлеклись процедурами перевязки и накладывания шин, что долго наблюдали за процессом. Младший Фримен много раз после этого бывал в больнице, его заметили и попросили помочь. Вскоре он научился отлично накладывать шины и делать перевязку. И спустя несколько лет, во время службы в армии, эти умения ему оченьгодились.

Пока Рэмси проявлял максимум рвения, работая в типографии, Дик переходил с одной временной работы на другую. Он поработал посыльным на железнодорожной станции, развозя посылки на своем новом велосипеде. Затем продавал газеты, и теперь его голову украшала фуражка с названием фирмы – «У. Х. Смит». Правда платформа Святого Павла, где Дик торговал газетами, располагалась рядом с мостом и была плохо защищена от постоянного ветра. Поэтому уже через пару месяцев, осознав, что с него достаточно холода и ветра, он устроился в обувную мастерскую. Здесь было тепло, и ему полагался дополнительный шиллинг за сверхурочную работу в субботу. Но и это занятие оказалось нудным. Вскоре подросток снова впал в депрессию от бесконечного вида сношенных женских туфель, каблучков и гвоздей.

По объявлению Дик устроился на завод по производству макинтошей. Нынешняя работа была такой же утомительной и скучной, но платили немного больше. Причиной служил дешевый способ производства тканей. Рабочие должны были стоять над чанами с прозрачной желтой жидкостью и вдыхать отравляющие и дурманящие пары. В итоге Дик просто ушел с завода, притворившись больным. Он был настолько зол на заводских мастеров, заставлявших его гробить здоровье, что сочинил грубоватые куплеты.

В промежутках между поисками очередного места работы Дик помогал Кларе доставлять молоко, а другой старшей сестре, Лизе, – цветочные букеты. Он казался неугомонным. «Будь

терпеливее» – советовали ему родственники. Но Дик был вечно всем недоволен и беспрестанно ворчал в надежде найти идеальное рабочее место.

Однажды, продавая конфеты в одном из магазинов, он встретил моряка и разговорился. Новый друг заверил его, что лучший способ начать новую жизнь – убежать в море. Более того, моряк предложил помощь в устройстве на рыболовный траулер Гримсби. Смелое предложение овладело воображением мальчишки, и он, не раздумывая, договорился о встрече через несколько дней. Дик должен был принести разрешение одного из родителей, поскольку ему было всего пятнадцать лет.

Но дома никому ничего сказано не было. Он догадывался, что миссис Фримен не одобрит столь безрассудное предприятие, а отец, чего доброго, посадит под замок. Эти несколько дней он провел в походах на фабрику и как бы случайно обмолвился, что нашел в Лондоне работу. Дик был единственным в семье, кто умел грамотно писать, а уж подпись мистера Фримена подделать было и вовсе несложно. Встретившись с новоявленным другом, он легко устроился на один из рыболовецких траулеров «Хьюит Фишинг Компани». Его зачислили коком и помощником капитана, хотя, возможно, о второй должности Эдгар приврал.

Сразу же после отплытия обнаружили несколько неприятных вещей. Первая: траулер был весьма хлипкой посудиною, да еще и весь провонял рыбой, а вторая: он – не матрос. Его уверяли, мол, стоит поваляться пару дней на койке, и морскую болезнь снимет как рукой, но самочувствие его становилось всё хуже и хуже. Траулер отправился в плавание в декабре 1890 года, а спустя два месяца бесконечных штормов судно вмерзло в лед. Палуба превратилась в каток, над которым свистели бесконечные ветра, спальное помещение не отапливали, поэтому температура там была близка к нулевой отметке.

Единственным опытом в кулинарном искусстве было наблюдение за готовкой миссис Фримен, а потому Дик постоянно получал нахлобучки от капитана за плохо сваренные суп или рагу. Попытки уверить себя и других в том, что он умеет готовить пудинги, оказались еще большей ошибкой. И хотя корабль стоял у льдины на приколе, морская болезнь не прекращалась.

7 февраля траулер притащило к берегу. В результате, отколовшись от льдины, судно зашло в Гримсби. Дик не хотел даже думать о том, что ему предстоит вытерпеть в последующие десять месяцев плавания, а потому, сойдя на берег с другими матросами, попросту сбежал. У него не было денег, помимо одного шиллинга, который он стащил у капитана, и практически отсутствовала одежда. Единственным утешением служили огромные морские сапоги, которые уже после нескольких часов пути стали натирать ноги. Дик осознавал, что путь в Лондон будет долгим и тяжелым, но на корабль не вернулся.

Он пытался заработать деньги, подрабатывал везде, где мог устроиться на один день, но чаще всё же приходилось воровать. Особенно Дик был счастлив, когда ему удалось стащить пару туфель, выставленных посушиться на подоконнике одного из домов. В течение трех недель он питался хлебом и водой, пока не добрался до задней двери родного дома.

Миссис Фримен с ужасом выслушала его рассказы о морских приключениях и путешествии домой. Она была мудрой женщиной и понимала, что за побег Дик полагался большой штраф или несколько месяцев тюрьмы, поэтому предупредила приёмного сына, чтобы он не распространялся о своем побеге, и застрашала мужа, чтобы тот спяну не проболтался о случившемся друзьям.

Но больше всего Фрименов беспокоили бесконечные метания Дика, неуживчивость и неумение устроиться, приспособиться. На семейный совет пригласили и Клару, которая выступила за временное переселение брата к ним в Дептфорд, подальше от постоянного места жительства. Клара, как всегда, была рада поддержать Дика, и предложила ему работу на молочной ферме.

Гарри Хэнфорд, муж Клары, был в молочной торговле с детских лет. Начинал он с того, что доставлял молоко покупателям. Тогда-то он и обнаружил, что людям нравится, когда молоко не просто оставляют у калитки, а заносят во двор, да еще при этом перекидываются с ними парой слов... Узнав о нововведениях Гарри, хозяин оштрафовал юного разносчика, «чтобы не терял время по чем зря». Однако владелец конкурирующей фирмы увидел в этом разносчике молока толк. Он переманил его к себе, добавив пару шиллингов к зарплате за доставку молока прямо на ступеньки дома.

Молодой молочник производил на людей приятное впечатление своей внешностью и вежливым обращением. Клара не стала исключением. Гарри был удачлив не только в бизнесе, но и в общественной жизни. Его регулярно приглашали на публичные выступления различные общества, членом которых он пребывал. И везде пламенные речи Хэнфорда действовали неизменно вдохновляюще.

Но медаль, как известно, имеет две стороны. Светлые полосы сменялись темными, и мистер Хэнфорд мог «запить по-черному». Его пьянство едва не стало причиной банкротства собственного молочного бизнеса, и, если бы не помощь Дика, то Клара вместе с мужем и детьми скоро оказались бы на улице без средств к существованию. При этом периоды неумеренного потребления алкоголя были неразрывно связаны с любовными похождениями. Как следует набравшись, Гарри обычно отправлялся в публичный дом или приставал к горничным и кухаркам. В Дептфорде его даже прозвали «Красавчик Хэнфорд» или «безумный молочник», в зависимости от того, пьян он был или трезв.

Однако в периоды трезвости Гарри был, по-видимому, единственным собеседником Дика. Они с удовольствием зачитывались появившимися в те годы «Приключениями Шерлока Холмса» и увлеченно обсуждали закрученные расследования лондонского сыщика или последние новости.

Дик должен был сопровождать мистера Хэнфорда, когда тот разносил молоко, а в конце дня собирать пустые бутылки и мыть их по ночам. И, хотя зарплата была весьма скудной – шесть пенсов в неделю, у сестры и зятя ему жилось комфортно, а, пожалуй, даже счастливо. Единственной причиной размолвок было желание Клары помочь брату, особенно в мытье бутылок горячей водой. Хэнфорд всегда сердился, застав отдыхающего шурина и моющую посуду жену.

Но, несмотря на эти разногласия, Гарри стал для Дика идеальным работодателем. По его рекомендации младший Фримен не только был принят в членство некоторых общественных организаций, но и впоследствии даже дорос до «почетного секретаря». Это счастливое время закончилось внезапно, по глупости Дика.

Поскольку домик Хэнфордов был меньше, чем Фрименов, мальчика поселили в гостиной. Здесь же, в маленьком шифоньере, супруги хранили сбережения. Ключ от шкафа Клара держала в кармане юбки и не позволяла никому доставать.

В одну из ночей Дик пожаловался на холод и попросил накрыть его еще чем-то теплым. Клара без задней мысли дала ему свою тяжелую юбку. На следующее утро она обнаружила, что, хотя шифоньер закрыт, деньги пропали. Сбережения были большими – порядка семи или восьми фунтов золотыми монетами.

Клара спросила об этом у Дика, но, поскольку тот ей ничего не ответил, рассказала обо всем мужу. Гарри вызвал полицейского, который после часового обыска нашел спрятанные в доме золотые монеты и сообщил, что деньги были украдены кем-то из домашних. Главным подозреваемым был Дик.

Он поначалу отрицался, но затем сознался Кларе, что не хотел красть деньги, а просто «позаимствовал». Узнав о признании шурина, Хэнфорд пришел в ярость и потребовал у полицейского арестовать мальчишку. Дело было передано в суд.

Для Дика это был второй судебный опыт, но теперь он был в роли преступника. Когда судья зачитывал грозные обвинения, Фримен-младший умоляюще глядел на сестру. Она пыталась что-то сказать мужу. Закончив чтение приговора, судья посмотрел сквозь очки на Хэнфорда и спросил: «Вы действительно хотите обвинить этого мальчика?». Гарри замешкался, а Клара дергала его за рукав, осознавая, какой кошмар ждет Дика в тюрьме. После мучительной паузы Хэнфорд громко выкрикнул: «НЕТ!»

Фримены воззрились на Гарри с радостью, а судья с изумлением. Дик отправился домой к отцу и матери. Вскоре дружеские отношения шурина и зятя возобновились, но Хэнфорд больше никогда не предлагал Дику работать вместе.

Следующим местом работы будущего писателя стала стройка. Один из коллег по общественным организациям предложил поработать штукатуром. Работа была тяжелой, но заработная плата – на порядок больше: пятнадцать шиллингов в неделю, хватало на театр и оставалось немного для миссис Фримен.

Дику исполнилось восемнадцать и он, как и большинство юношей такого же возраста, влюбился. Предметом его обожания была Эди Кокл. Молодая девушка с голубыми глазами и пухлым ртом казалась идеалом красоты, а потому он купил своей возлюбленной кольцо и втайне от всех дал обещание, которое произносят при помолвке. Эди работала медсестрой, и ей было семнадцать лет.

Эдгар Уоллес и Гарри Хэнфорд продают молоко

Томми Аткинс

Показатели Эдгара в медицинской карточке новобранца свидетельствуют о том, что в момент поступления в армию он был скорее еще юношей, чем взрослым молодым человеком.

Возраст – 18 лет и 8 месяцев, рост – 164 см, вес – 52 кг, обхват груди – 84 см. Идеальный кандидат для «пушечного мяса».

Что подтолкнуло его поступить на военную службу? Первый толчок дал все тот же Гарри Хэнфорд. Как только началась англо-бурская война, муж Клары забрал все семейные сбережения и отправился в Ливерпуль, а затем отбыл в Южную Африку. Он больше не писал и не вернулся оттуда. Можно предположить, что у него там были другая женщина и другая жизнь, новая семья – а может, Хэнфорд просто сгинул на полях сражений в первые дни войны. Один за другим одногодки Эдгара становились рекрутами-добровольцами.

Великобритания на протяжении второй половины XIX века активно собирала ополчение. Новобранец должен был три месяца прожить в казармах, при этом он получал обмундирование и денежное вознаграждение. После окончания предварительной подготовки рекрут обязан был в течение шести лет по первому требованию командования прибыть на место сбора и быть готовым отправиться на войну.

Некоторые молодые люди из Дептфорда неоднократно записывались в рекруты под вымышленными именами, в разные батальоны. Один из наиболее притких хвастал, что ему удалось получить денежное вознаграждение четырнадцать раз под различными именами.

Поначалу эти примеры «деловой хватки» не вдохновляли Эдгара, но финансовое положение оставалось таким же тяжелым. Работодатели по-прежнему задерживали зарплату, сам юноша страдал от холода и голода, а особенно – от необходимости постоянно возиться с цементом на последнем рабочем месте. В его письмах было все больше пессимизма.

Эдгар с отчаянием вспоминал о трех месяцах, проведенных на сборах. Да, пища была грубая, зато питание – регулярным. Да, ему приходилось жить в казармах и проходить курс строевой и боевой подготовки, но это было легче, чем месить цемент на морозе, ожидая, что в любой день тебя в очередной раз выгонят с работы.

Накануне Рождества Эдгар всерьез задумался о службе в армии. В письме родным он объясняет, что больше не может работать на холоде за плату, которую не получает, и при этом слышать только брань от начальства.

В очередной раз наш герой сбежал, бросив все – и незавершенную работу, и задолженность по заработной плате (чтобы не вызывать подозрения у работодателя). Получив шиллинг от доброй хозяйки, в доме которой делал ремонт, Уоллес отправился в Лондон. Вечером в британской столице он в последний раз посетил театр, а на следующее утро явился в приемный пункт Королевского Западного Кентского полка, куда и был зачислен рядовым.

Получив обмундирование и постельные принадлежности, первым делом новобранец попытался выяснить, где находится библиотека. Но, обнаружив таковую, он испытал разочарование! Армия не поощряла развитие литературных талантов.

Однополчане оказались добродушными и дружелюбными. Они посмеивались над отказом новичка от спиртного, но дедовщины в их полку не было. Зато под негласным запретом находилось обсуждение политики или религии. А уже спустя несколько недель юноша заработал первые три дня карцера – «за ненадлежащее поведение в церкви». Вероятно, он просто слишком громко рассмеялся во время службы.

От регулярного питания Эдгар стал быстро набирать вес и окончательно выздоровел. Можно предположить, что он с безразличием относился к необходимости проходить строевую подготовку, словно выполнял очередную работу. На самом деле его постоянно занимали мысли о поиске лучшего варианта в сложившихся обстоятельствах.

Во время одного из «ночных пикетов», когда солдатские патрули разыскивали обладателей формы в пивнушках или публичных домах, Эдгар в стычке лишился зуба и был отправлен в медсанчасть.

Здесь будущий писатель поразился разнице между казармой и медицинской частью. Врачи ходили в синей униформе, жили в отдельных домах и получали неплохое жалование. Эдгар сразу сообразил, что и сам не против сменить наскучившую строевую подготовку на службу в таком месте. Но больше всего ему нравилась потребность работать головой, а не выполнение простых бездумных обязанностей пехотинца. Он вспомнил о навыках, полученных в госпитале святого Иоанна, об умении накладывать шины и делать перевязки. Несмотря на смешки однополчан, молодой человек посчитал, что «делать припарки» гораздо лучше, чем изо дня в день месить грязь и гонять пыль на плацу. Уоллес подал рапорт о переводе в медицинскую часть, и, к удивлению, ответ пришел почти незамедлительно.

Приказом командования его переводили в военный лагерь Олдершот, где располагался медицинский корпус. Это было гораздо ближе к Лондону. До столицы можно было добраться за пару часов на поезде.

Работа в Олдершоте мало походила на солдатскую рутину. Новички были обязаны в теории и на практике пройти курс анатомии. Здесь Эдгар впервые обнаружил, что у него отлично работают мозги. Он с легкостью запоминал лекции и быстрее других курсантов справлялся с практическими заданиями. Но особый восторг вызывало наличие качественного досуга, интеллектуальных развлечений и совсем иное отношение к жизни среди медицинского персонала. Здесь Уоллес впервые попробовал сочинять стихи, а интерес коллег по службе к его еще незамысловатой поэзии и эйфория от первых успехов были новыми и очень приятными чувствами в жизни.

Эдгар наслаждался. Он теперь регулярно посещал концерты и популярные мюзиклы, виделся с Эди и гулял с ней по Лондону, а возвращаясь в Олдершот, сочинял собственные стихи на популярные музыкальные мотивы. Вечерами, когда сослуживцы уже ложились спать, юноша брал в руки карандаш и бумагу и отправлялся на поиски рифмы.

Его выступления перед коллегами-медиками стали регулярными, от него ждали новых и новых сочинений на актуальные темы. Начинаящий автор купил несколько тетрадей, надписал их «Р. Э. Уоллес. Сочинения» и принялся записывать в них свои нехитрые творения. Как правило, наладившись триумфом, Эдгар уже мечтал о новых недоступных высотах. Однажды в его голове родилась дерзкая идея отправить свои стихи кумиру лондонской молодежи Артуру Робертсу², как подарок от поклонника.

Но Олдершот оставался армейским подразделением, а командовал им Артур, герцог Коннотский, третий сын королевы Виктории, одногодка Эдгара и большой любитель жесткой дисциплины. Любовь Уоллеса к поэзии не помещала ему восхищаться принцем, его умением навести порядок и наладить дисциплину в вверенном полку.

Герцог, однако, был не очень доволен Эдгаром. В записях командующего можно найти два замечания. Первое, когда будущий литератор «был замечен грязным на параде», можно предположить, что мундир расслабившегося после бесконечной муштры солдата не был застегнут на все пуговицы. И второй случай, когда Эдгар нес ведра с водой, однако, повстречав принца Артура, выронил их из рук и вытянулся в приветствии. Командующий счел подобное поведение «оскорбительным», слез с лошади и напомнил рядовому, что весьма непрактично бросать ведра, особенно если они наполнены водой.

Эти придиришки не омрачили восхищение молодого военнослужащего, а когда герцог вышел в отставку, Уоллес сочинил веселые стихи о собственных проделках, которые так и не попались на глаза генералу.

² Английский комик, мим, актер и певец. В рецензиях на его выступления впервые появилось слово «пародия».

Эдгар продолжал спускать жалование на посещение театров и музыкальных концертов, тратя без остатка не только деньги, но и отпущенное ему время. До поры солдат держал себя в руках, неожиданность случилась, когда до него дошла новость, что Артур Робертс написал музыку на его стихи. Начинаящий поэт не устоял перед искушением, незаметно вышел из лагеря и отправился в Лондон.

Пять дней в столице пролетели, как один миг. Уоллес был на всех выступлениях Робертса, и пусть он сидел на галерке, аплодисменты, которыми слушатели благодарили певца за песню на его стихи, кружили ему голову.

В казармы Эдгар вернулся с опаской, и не зря. Провинившийся был немедленно арестован и приговорен к 96 часам каторжных работ. Военную тюрьму в Олдершоте прозвали «военной академией» или «стеклянным домом» за то, что любой проступок карался дополнительными часами наказания, а спрятаться от тюремщиков за прутьями решетки было нереально.

Эдгара побрили наголо и заставили выполнять мучительную процедуру, прозванную «выстрел дробью», сохранившуюся в британской армии до 1904 года. Заключенные выстраивались в четыре ряда, после чего по команде поднимали ядра, прикрепленные цепями к ногам, до уровня груди, делали четыре шага в сторону и опускали ядра. Затем снова поднимали ядра и возвращались в исходное положение. Подобная «гимнастика», по мнению руководства, должна была послужить наглядным уроком и внушить мысль о невозможности побега из этой тюрьмы.

Сослуживцы отнеслись к Эдгару с особым сочувствием, когда через четыре дня он вернулся в госпиталь. Они успокаивали, мол, такое может случиться с каждым. Но будущему писателю этот опыт врезался в память. Уоллес до самой смерти будет проклинать в своих работах карательную машину Британской империи, а правительственные чиновники в его романах пусть и не будут выступать в роли врагов и злодеев, но их поступки мало чем будут отличаться от проявлений откровенной вражды.

Спустя несколько месяцев после этого проступка Эдгара Уоллеса с группой врачей направили для прохождения службы в Южную Африку. Прощальный отпуск он провел с Эди. Не забыл забежать к миссис Энсти и к приемным родителям. А уже 18 июля 1896 года на военном судне отправился из Саутгемптона в страну, «где лимоны просто лежат на улице».

Формальных поводов для начала Англо-бурской войны было несколько, но настоящей причиной стало открытие самого богатого на тот момент золотого месторождения в Трансваале.

Буры были потомками голландских эмигрантов, бежавших от религиозного преследования на родине. Протестанты-кальвинисты прибыли на Африканский континент в XVII веке и за два столетия практически выжили местное население, а потому по простоте душевной считали, что эта страна принадлежит им. Великобритания выкупила значительные участки земли и также думала, что имеет права на данные территории. Обнаружение золотых приисков лишь обострило разгоравшийся спор.

Британские чиновники просчитались, наивно полагая, что буры не смогут противостоять мировой империи. Но в финансовые вопросы вмешалась высокая политика. Восстание буров поддержал германский кайзер, который мечтал ослабить своего главного соперника в борьбе за власть над Европой. Три года интриганы раздували конфликт, три года длилась политическая конфронтация, все это время буров тщательно готовили к схватке с мощным противником, не скупясь на средства.

Тем временем Уоллес прибыл в Симонстаун, поразивший его диковинной природой. Лимонов на улицах он не нашел, но местный климат, флора и фауна кардинально отличались от родной Англии. Молодой человек также обнаружил, что военный госпиталь состоит из четырех пустующих коек. Основной болезнью здесь была дизентерия. А собственная комнатка оказалась зажата между кухней и палатой. В комнате стояла двухъярусная кровать

(две кровати просто не влезли бы), верхнюю полку на которой занял повар, предусмотрительный сержант Пиндер.

Небольшая больница сияла чистотой и порядком. Больные были в ней большой редкостью, а потому основной обязанностью Эдгара стала еженедельная уборка. Спустя годы, в своей автобиографии Уоллес вспоминает, что самым страшным испытанием стала жара и красные муравьи, отчего он был вынужден ходить по полу не иначе как в солдатских сапогах.

Неизвестный сослуживец, сержант Пиндер (на стуле) и Эдгар Уоллес

Сержант Пиндер оказался отличным товарищем, а еще очень практичным человеком. Например, он отказался от дорогого в этих местах мяса и закупал рыбу и фрукты, в изобилии имевшиеся на местном рынке. В итоге получалось экономить два-три шиллинга в неделю. Поскольку приготовление еды было обязанностью сержанта, на плечи Эдгара возложили ежедневный поход за продуктами и мытье полов по пятницам.

Оставшееся время они проводили на кровати, читали, курили. Пиндер мог часами лежать и смотреть в потолок, его сильно донимала жара. Уоллес валялся на нижней полке, поэтому большую часть своего досуга посвятил чтению Киплинга. Солдат не забыл о своем триумфе, а потому старательно пытался подражать великим современникам, сочиняя собственные стихи. Первым экзаменатором стал верный товарищ – сержант Пиндер.

Такое сосредоточенное увлечение поэзией проявилось благодаря отсутствию любых других развлечений. В Симонстауне не было ни театра, ни картинных галерей, ни библиотек. Еще хуже дело обстояло в Занзибаре, куда Эдгар отправился вместе с военной экспедицией. Он надеялся увидеть первое в его жизни сражение, но африканцы разбегались при виде британских солдат. Англичане не встречали никаких людей на тысячи миль вокруг. Свои деревни жители сжигали, а сами вместе с нехитрыми пожитками отправлялись в другое место. Большинство сослуживцев находило единственное развлечение в алкоголе. Напивались буквально все, кроме Эдгара. Медик сдерживался, помня зарок, данный своему другу и приемной матери.

Вернувшись из экспедиции, он обнаружил человека, который разделял его умеренный образ жизни. Бородатого служителя уэслесианской миссии перевели в Симонстаун из Транскеи. Преподобный Уильям Шоу Колдекотт много лет прожил в Африке и был опытным миссионером. Он не пытался обратить солдат в христианство, зато сразу по прибытии создал некий уголок для отдыха, где наличествовали различные развлечения, кроме алкоголя. К счастью для Эдгара, здесь оказались бильярд и скромная библиотека.

Как выяснилось позднее, идея с комнатой для отдыха принадлежала не самому миссионеру, а его жене. Преподобный представлял собой обычного служителя церкви, озабоченного далекими от реальной жизни богословскими вопросами, подлинной же вдохновительницей этого оазиса стала Мэрион Колдекотт, чей яркий интеллект и радушие были редкими явлениями в этой знойной стране. Большинство солдат и матросов относились к ней с уважением и именовали не иначе, как «мадам».

Она уже пребывала в том возрасте, когда больше в ней привлекала не красота, а сияющее дружелюбие, светившееся из глаз, умение тепло общаться, сопереживать любому независимо от положения в обществе, а также дар относиться ко всему с юмором. Это была энергичная женщина с царственной осанкой. Десять лет миссионерской работы в самых отдаленных уголках Африки лишь упрочили ее характер. В отличие от мужа, Мэрион разбиралась не в богословии, а в медицине, поскольку часто именно к ней, единственной белой женщине на много километров вокруг, приносили больных с травмами или болезнями, от которых малограмотные жители Африки никогда не оправились бы. Вокруг миссис Колдекотт обычно бурлила жизнь. Она словно магнитом притягивала к себе других людей, неизменно становившимися ее спутниками.

Эдгар регулярно посещал эту комнату отдыха. Он несказанно радовался, что здесь можно было пить только лимонад или чай, а еще больше – новым книгам. Но сильнее всего его поражала интеллектуальная атмосфера, царившая на этих встречах. Казалось бы, ничего особенного: иногда дочери Колдекоттов играли на пианино, иногда миссис Колдекотт читала стихи современных английских поэтов, но это был иной для Эдгара мир – мир высокой культуры и интеллектуальных удовольствий, к которому обычный солдат тянулся по непонятной причине.

Он так же, как и другие военнослужащие, был очарован Мэрион Колдекотт. Прожившая всю свою жизнь в Африке супруга миссионера, тем не менее, была очень начитанной женщиной, способной не только ценить, но и сочинять поэзию. Миссис Колдекотт сперва уговорила молодого человека прочитать им свои стихи, а затем в деликатной форме давала подсказки, как лучше выстраивать строфы в соответствии с правилами грамматики. Уоллес позднее признался, что считает свою покровительницу крестной матерью в литературе. А пока в письме миссис Энсти он наивно рассказывает, что «она стала для меня тем человеком, которым вы для меня были в Лондоне», дальше Эдгар в который раз вспоминает о том, с каким восторгом миссис Энсти слушала его чтение книг из библиотеки.

Эти же истории почти дословно он повторяет и в письмах Эди, поэтому трудно представить, что в тот момент юноша задумывался о женитьбе на одной из дочерей преподобного.

Теплая и радушная атмосфера стала прекрасной почвой, на которой расцвел поэтический талант Уоллеса. Он усердно занимался под руководством миссис Колдекотт, а свои стихотворные опыты без стеснения рассылал в различные газеты и журналы, печатавшиеся в Южной Африке. Надо признать, они уже не походили на корявые вирши, которые Эдгар читал своим сослуживцам в Олдершоте. Это была упругая, хорошо сложенная поэзия. Стихи Томми Аткинса³ начали печатать в британских газетах, а одно произведение даже привлекло

³ Томми Аткинс было общим названием для военнослужащих, использовавшимся среди британской интеллигенции.

внимание его кумира – Редьярда Киплинга, о чем не преминули сообщить солдату-стихослагателю английские поклонники, которые изредка писали восторженные письма своему любимцу.

Между тем, незаметно для себя и других, Эдгар превратился из умного Томми, посещающего комнату отдыха, в друга семьи. Преподобный был очень недоволен подобной трансформацией. Он и до этого инцидента запрещал дочерям общаться с солдатней, исключение было сделано только для мистера Уоллеса, и то только после настоятельных просьб миссис Колдекотт. А теперь у всех на глазах рядовой британской армии нежданно-негаданно превратился в сказочного принца, на которого стали заглядываться наследницы миссионера.

Когда первые эмоции от публикаций в газетах прошли, Эдгар сделал единственный вывод: самая большая сумма, которую можно было получить за стихотворение от издателей – десять шиллингов или одну гинею. Это сильно раздражало молодого человека, поскольку он отдавал поэзии максимум времени и энергии, но при этом не замечал никаких признаков обогащения. Начинающий поэт полагал, что подобный труд должен оплачиваться более щедро.

Тем временем произошли два события, которые оказали существенное влияние на его последующую жизнь.

Английская армия под командованием адмирала Росона в 1897 году отправилась в карательную экспедицию в Бенин. Госпиталь, которым заведовал Уоллес, был переполнен ранеными, так что пришлось даже соорудить несколько дополнительных мест из всех имеющихся подручных материалов. Наш герой дневал и ночевал у больничных коек, весь пропах йодом и анестетиками и получил личную благодарность командующего за отличную службу. Адмирал даже обещал награду, и, вероятно, представил соответствующий рапорт вышестоящему начальству. Но, как это часто бывает во время военных действий, рапорт затерялся в кипе отчетов и других бумаг военного ведомства. О заслугах Эдгара забыли.

Единственной наградой будущего писателя стали воспоминания, которые он изложил в виде рассказов и которые получили большую известность среди английских военных, с удовольствием читающих правдивые и захватывающие истории о солдатских буднях.

Второе событие случилось в октябре 1897 года: Эдгар получил свидетельство об образовании первого класса на звание капрала и квалификационный аттестат второго класса на звание сержанта. Не стоит думать, что это было рядовым явлением. Абсолютное большинство военных так и оставались в своих званиях на протяжении многих лет службы. И здесь выяснилась очень неприятная вещь. Успешной сдачи экзамена было недостаточно, чтобы его повысили в чине – требовалась выслуга лет. Это препятствие в продвижении по военной службе стало финальной точкой, после которой Уоллес больше не задумывался о продолжении карьеры военного. Оставался один путь – литература.

У Эдгара был своего рода творческий зуд, который снимался различными способами. Он теперь писал стихи по любому поводу и без повода – на день рождения дочерей Колдекотта, на любые военные и государственные праздники, на юбилеи всех известных ему лиц в Кейптауне.

Большую часть стихов Эдгар сперва показывал миссис Колдекотт, внимательно выслушивал ее предложения и замечания и правил ошибки. Но случалось, принимался отстаивать свою версию, тут уже Мэрион отступала и соглашалась с точкой зрения автора.

Уоллес активно рассылал свои сочинения в большинство периодических изданий Кейптауна. Поначалу его стихи публиковала газета «Сова», редактором которой был господин Пенстоун, ставший молодому поэту не только союзником, но и другом. Однако вскоре стихи Эдгара стали появляться и в популярной газете «Кейп-таймз», после того как он опубликовал знаменитое стихотворение, посвященное приезду Редьярда Киплинга в Южную Африку.

Новость о том, что его кумир приедет в Южную Африку, Уоллес узнал из прессы, и в тот же вечер излил свои эмоции на бумаге:

О, доброе утро, мистер Киплинг! Добро пожаловать на наши берега,
На землю миллионеров и горшечного мяса...

Как только стихотворение было готово, Эдгар немедленно отправил его главному редактору «Кейп-таймз» Эдмунду Гэрретту. Поэт рассуждал так: тираж «Совы» и других местных газет слишком мал для этой новости, о приезде гения должны узнать все жители Южной Африки, поэтому произведение необходимо напечатать в самом популярном периодическом издании.

В ответ редактор прислал длинное письмо. Рассыпаясь в любезностях, он предлагал внести несколько незначительных изменений. Но Эдгар отказался от большинства правок, а в ответном письме аргументировано изложил причины подобного решения. В итоге стихотворение было напечатано в том виде, который предложил Уоллес, как раз к приезду Киплинга в Южную Африку.

А спустя шесть недель наш герой получил приглашение на банкет, где должны были присутствовать Редьярд Киплинг и Гэрретт. Эдгар бросился к миссис Колдекотт с просьбой научить его обращаться со столовыми приборами во время обеда в высшем обществе, а также другим премудростям этикета. Ведь он не предполагал, что встреча с кумиром превратится в очередное испытание.

По воспоминаниям Уоллеса, обед прошел словно в тумане. Он перепутал рыбные ножи и с непривычки немного захмелел от вина, но не смог удержаться от просьбы к кумиру подарить ему автограф. Киплинг написал ему пару строк из стихотворения «Песня о банджо» и подписал: «Для Эдгара Уоллеса».

Знаменитый писатель хорошо понимал волнение молодого человека и деликатно предложил «любую помощь, если окажетесь в Лондоне – добавив традиционную английскую оговорку – которая будет в моих силах». В своем дневнике Уоллес сообщает, что последние слова Киплинга были чем-то вроде напутствия: «ради Бога, не относитесь к литературе как к профессии. Литература – великолепная любовница, но плохая жена!» Из дальнейших поступков Эдгара мы понимаем, что он не воспринял эти слова всерьез.

Уже на следующий день Эдгар получил от Киплинга письмо, в котором тот нахваливал его поэзию и предлагал содействие в дальнейшей литературной карьере.

Уоллесу было только двадцать три года. Он был полон амбиций и мечтаний. Обращение к знаменитому писателю и благосклонный отклик не только позволили ему попасть в высшее общество, пусть всего лишь в Южной Африке, нет, они только еще больше распалили воображение Эдгара. Казалось, он нашел свой путь, а редакторы жаждут получать от него все больше и больше! Так зачем останавливаться? Вероятно, так размышлял поэт-солдат.

Уоллес запросил у Гэррета список всех предстоящих общественных мероприятий, муниципальных обедов и выступлений и уселся за бумагу. День он проводил в спокойной и расслабленной обстановке госпиталя, а ночью безумствовал и терзался над бумагой, сочиняя очередные стихи.

Но, как уже было сказано, поэзия приносила мало денег, и Эдгар взялся за написание публицистических отчетов о солдатских буднях. А тем временем, ситуация в Южной Африке постепенно накалялась, и опытных редакторов больше интересовали горячие новости, чем поэзия или будничная проза. Политический конфликт в любой момент грозил перерасти в военное противостояние. В один голос они советовали энергичному начинающему писателю забросить свое творчество и взяться за журналистскую работу. И Уоллес неожиданно для себя переквалифицировался с поэзии на политику.

Новоиспеченный журналист попробовал получить недоступные для других данные нахрапом. Он написал письмо в военную канцелярию с наивной просьбой предоставить ему

сведения о передвижениях военных кораблей вдоль африканских берегов. Секретарь с ироничной припиской переправил это письмо главнокомандующему.

Пораженный столь дерзким нарушением военного этикета главнокомандующий написал: «Кто этот пистолет? Вызовите его в штаб-квартиру и преподайте урок военной дисциплины».

Эдгара вызвали в Кейптаун и ледяным тоном пояснили, что подобные сведения являются государственной тайной, а их разглашение будет расцениваться как измена. Но Уоллес приехал в штаб не за оплеухой, его интересовала информация другого рода. Он выяснил, что, оказывается, можно демобилизоваться, выкупив самого себя за 18 фунтов, в случае если нет официального объявления о войне.

К тому моменту литературная деятельность приносила Эдгару от трех до четырех фунтов в неделю; правда он не задумывался о накоплениях, а слухи о начале боевых действий не просто курсировали – о них не знали разве только сторожевые собаки. В скорейшем освобождении ему помогла миссис Колдекотт, попросившая недостающую сумму взаймы у своего сына, который работал металлургом на рудниках. Получив необходимую наличность, Уоллес немедленно отправил официальное прошение и требующиеся 18 фунтов в штаб и стал считать дни до демобилизации.

Пока военные бюрократы рассматривали его прошение и оформляли все необходимые документы, Эдгар с головой погрузился в литературу.

Он нашел в Кейптауне книжный магазин, готовый вложить необходимые денежные средства в издание книги его стихов. Книга (скорее брошюра) не имела большого успеха, но Уоллес этого словно не заметил. Он был горд тем, что по праву может именоваться автором, и со свойственной ему дерзостью мечтал не просто о большем, а о громадном успехе.

Среди массы положительных или нейтральных отзывов, очевидно, оплаченных самим поэтом, только один имеет ярко негативную окраску: «Мистер Эдгар Уоллес является безобидным сотрудником медицинского корпуса в Кейптауне с сомнительной репутацией... „Миссия, которая потерпела неудачу“ и другие стихотворения, изданные в книге, понять трудно». Все благожелательные рецензии Эдгар ревностно вырезал или выписывал.

После целого ряда отзывов неожиданно встречается его заметка: «В настоящее время я почти не осознаю важность этих откликов, но трудно не заметить, что они будут иметь огромную важность для меня в будущей литературной жизни».

Из воспоминаний коллег Уоллеса по журналистской работе в Кейптауне, Эдгар был озабочен не столько изящностью стиля или какой-то определенной темой, сколько открыто говорил: «Я хочу денег, – и повторял, – я хочу много денег». Когда они дурачились в дружеской компании, обсуждая свои планы и мечты, на вопрос о том, что он хочет писать, Эдгар Уоллес ответил прямо: «Все, что приносит деньги».

Тем временем в семье Колдекоттов назревала буря. Одна из дочерей преподобного с нескрываемым обожанием смотрела на нашего героя и очевидно ожидала только одного – когда он демобилизуется. Айви Колдекотт уже не скрывала ни от отца с матерью, ни от Эдгара, что мечтает выйти за него замуж.

Преподобный Колдекотт предпочел оградить дочь, да и жену, от дальнейших свиданий. Он увез супругу и наследниц к родным в один из пригородов Кейптауна, где рассчитывал спокойно заниматься богословием, не отвлекаясь на житейские хлопоты.

Этот внезапный отъезд оказал неожиданное воздействие на обоих молодых людей, совершенно противоположное тому, о котором мечтали родители. Спустя примерно неделю, возвращаясь с церковной службы, семья Колдекоттов заметила вдалеке знакомую фигуру. Преподобный ускорил шаги, подгоняя женщин, но избежать встречи ему не удалось. Колдекотт успел завести жену и дочерей во двор, а сам с гневом бросил в лицо наглецу упрек: «Мистер Уоллес, я бы предпочел, чтобы вы прекратили посещения моего дома». Эдгар на секунду замешкался, а затем повернулся к калитке, через которую видел только побелевшее лицо девушки, и крик-

нул: «Айви, не обращай внимания на своего отца, мне, видимо, не позволят увидеть тебя снова, поэтому я сейчас прошу тебя выйти за меня замуж!» Опешивший миссионер не придумал ничего другого, как с грохотом захлопнуть калитку.

Преподобный Колдекотт продолжил предпринимать недюжинные усилия, чтобы разлучить влюбленных. Он разыскал бывшую возлюбленную Уоллеса – Эди Кокл – и написал ей письмо с просьбой приехать в Южную Африку и «вырвать своего героя из опасной ситуации». С момента расставания прошло шесть лет, и очевидно, Эди к тому времени уже присмотрела себе другого «героя», а потому без лишних упреков прислала молодому человеку подаренное им кольцо.

Эдгар Уоллес (1897)

Одним словом, интриги мистера Колдекотта потерпели неудачу. После этого преподобный постарался самоустраниться от проблемы. Он предпочитал сидеть в собственном кабинете с гримасой молчаливого неодобрения на лице, отказываясь обсуждать любые вопросы, касающиеся дочери и Уоллеса.

Миссис Колдекотт разрывалась между христианским долгом подчиниться главе семейства, переживаниями за дальнейшую судьбу Айви и привязанностью к Эдгару. Она склонялась к первому варианту и умоляла дочь покориться воле отца. Сестры также набросились на Айви, пытаясь убедить, что в ее жизни еще будет более достойный кандидат. На пике этого напряженного противостояния Айви проявила недюжинную волю. Она решительно заявляла о нежелании отказаться от своего выбора и последовать советам родителей.

12 мая 1899 года Эдгар Уоллес получил долгожданное разрешение демобилизоваться из армии.

Оказавшись на гражданке, поэт и журналист немного растерялся. И здесь вновь ему на помощь пришла миссис Колдекотт. Она сделала совсем неожиданное предложение: пожить у них в доме. Ее муж к этому времени окончательно умыл руки и выбыл из схватки. Он не хотел ничего слышать ни о плачущей дочери, ни о настырном женихе. Это приглашение выглядело довольно странно, учитывая предыдущие события; очевидно, мать потенциальной невесты убедила всех, что следует более пристально взглянуть на мужчину, который так настойчиво набивается в родственники.

Впрочем, Эдгар проводил в доме Колдекоттов только ночи, да и то большую часть из них за написанием статей и сочинением стихов. Самым первым поездом он уезжал в Кейптаун и возвращался на одном из последних.

К июлю преподобный поставил ультиматум: в доме останется либо он, либо Уоллес. После бурных объяснений стороны пришли к дипломатичному решению конфликта. Молодые люди пообещали отложить свадьбу на два года, «чтобы проверить чувства». Эдгар должен был покинуть особняк Колдекоттов, а Айви с матерью отправлялись в Англию.

В дневнике Уоллеса есть такая запись: «Моя девочка уехала, и я чувствую, как у меня тяжело на сердце». Все годы разлуки Эдгар без устали писал будущей жене. Он слал ей стихи и нескончаемые описания своих «подвигов», а в ответ получал не менее теплые письма с заверениями в любви. Айви не сомневалась, что выйдет за своего Эдгара, несмотря на противодействие отца, «будь он даже герцогом Конноутом».

Айви завершает свой дневник, в котором вела записи на протяжении юности, следующими словами: «Теперь я знаю и могу открыто сказать, что Эдгар любит меня, – писала она, – и я знаю, что люблю его от всего сердца, – все остальное кажется мизерным рядом с этим великим фактом в моей жизни. Правда в том, что моя жизнь уже не моя, на самом деле я влюблена!.. Любовь – самая прекрасная и благословенная вещь в мире, и я могу сказать то, что чувствую, хотя мне приходится действительно тяжело. Ни одна из моих сестер меня не одобряет. Отец говорит, что, если я выйду за Эдгара, он отречется от меня... Но для меня существует только наша с Диком любовь. Пусть Новый год станет ярче».

Начинающему журналисту очень повезло, поскольку войну в Южной Африке объявили уже после того, как он получил разрешение демобилизоваться.

Военный корреспондент

Война между бурскими республиками и Британской империей не вспыхнула летом 1899 года только из-за погодных условий. Буры хорошо знали природу родного края, а потому дожидались октября, когда появится зеленая трава и спадет летний зной. Британцы это отлично понимали и, соответственно, стягивали войска. Им не оставалось ничего другого, кроме как ждать. Великобритания перебросила в Южную Африку порядка 5600 военнослужащих из Индии.

Только 9 октября 1899 года буры выдвинули ультиматум. Условия были неосуществимыми, хотя на их выполнение Британской империи формально отвели 48 часов. Фактически, это явилось началом войны.

Поначалу британцы не сомневались в быстрой победе. Десяток военных маневров, словно на плацу, должны были завершиться поднятием «Юнион Джека» под звуки гимна Британии в Блумфонтейне и Претории. Но уже через два месяца настроения стали другими. Первые успехи сменились внезапным отступлением, которое журналисты из деликатности называли «тактическим». Затем последовали еще более неожиданные для обывателей поражения и даже капитуляция ряда британских генералов.

Буров обычно представляли как невежественных потомков голландских фермеров, имевших наглость выступить против Великобритании. На самом деле «крестьяне» оказались грозными и даже грамотными неприятелями, умевшими ради победы обходить «джентльменские правила войны».

Войска буров состояли не из профессиональных солдат, а из ополченцев, вышедших на защиту своей родины. Они выступали всегда налегке – винтовка и патроны, одеяло и бутылка с водой; фактически спали на голой земле, без палаток и простыней. Британская армия отличалась наличием обозов с провиантом и снаряжением, походными госпиталями и артиллерией, которые тащились позади войск, сильно затрудняя стремительные броски.

За три года скрытой политической конфронтации буры закупили в Европе огромное количество современного оружия, которым «косили» войска Империи. Потомки голландских колонистов впервые в истории использовали в качестве заграждения колючую проволоку, ставшую настоящим бедствием для британцев.

И хотя армия Великобритании имела огромный численный перевес (448 тысяч против 87 тысяч буров), совокупность факторов выявила ее неэффективность, что привело к потере престижа страны на мировой арене.

Кейптаун стал на время войны оживленным центром, а солдаты – героями Империи. Возможно, на какой-то миг Уоллес даже засомневался в правильности принятого решения об уходе из армии, но лишь на миг.

Подобно своим однополчанам он также стремился попасть на поля сражений, но застрял в шумном Кейптауне. Облегчением стала телеграмма из «Рейтер», где ему предлагали стать вторым корреспондентом. Эдгар с радостью ухватился за эту возможность.

Теперь он с изумлением обнаружил, что война – дело не дешевое. Чтобы собрать снаряжение для путешествия в хвосте армии, молодому человеку требовалось в среднем 100 фунтов. Уоллесу удалось невероятное: он сумел влезть в бюджет из 25 фунтов. Как были бы удивлены его братья и сестры, если бы Эдгар сообщил, что вынужден потратить такие деньжищи только для того, чтобы иметь возможность тащиться в арьергарде и писать о военных действиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.